

Тоска «РВ»

Мы встретились погожим воскресным утром. И хотя погода стояла весенняя и радостная, в глазах Александра Калягина - вселенская грусть. Расположившись в гримборной, выходящей незакрывающимся единственным окном на помойку, мы начали неторопливую беседу, прихлебывая чай.

- Александр Александрович, диапазон сыгранных вами ролей необычайно широк: тетка Чарлея, кот Леопольд и даже Ленин. Была ли среди них «звездная»?

- Актеру некогда сидеть на Олимпе, увенчанному лаврами, и размышлять о пройденном пути. Поэтому ответить на этот вопрос непросто. Над каждой из своих ролей я работал добросовестно, выкладывался, старался сделать что-то новое. Если это получалось, меня замечали и хвалили. Если нет, старался извлечь урок и шел дальше. От раза к разу роли совершенствуются, я учусь у персонажей и режиссера. Мне очень нравилось играть в Мольеровском «Тартюфе», «Живом труп» Толстого. Но «звездной» роли, которую я сыграл бы на голову выше других, пожалуй, не было. Может быть, так сложилось в силу моего характера.

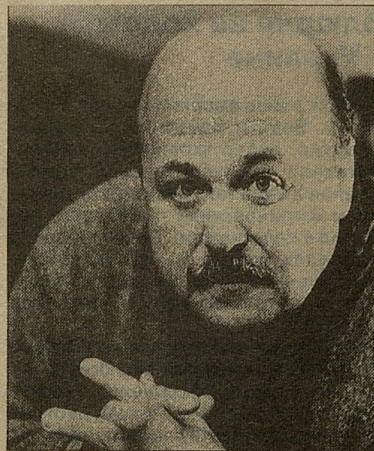
- В России артисты часто становятся общественными деятелями. Если бы вы занялись политикой, то, по-моему, побили бы все рекорды популярности.

- Люди, к мнению которых я прислушивался, приучили меня, что художник должен стараться говорить правду. Воздействие, оказываемое им на людей через художественный образ, и ассоциации гораздо сильнее, чем то, которое оказывает политик. 60-е годы воспитали во мне понимание смысла жизни. В том, что происходит теперь, я смысла вижу гораздо меньше. Большая часть населения оказалась за чертой бедности. Бывает, конечно, что для выздоровления нужно пройти через шок, через очень жесткие вещи. Но беда не в этом.

В соединении с теми, кто правит сегодня державой, пачкается слово «демократия». Об их аморальности я уже не говорю. Под режущими лозунгами и громкими словами о либерализме в стране разрастается равнодушие. На меня это действует угнетающе. Есть ощущение, что ты никому не нужен. Конечно, дом, очаг всегда остается тем маленьким островком, где я могу побыть самим собой. Но и туда просачивается всепроникающее равнодушие. В парадном, через которое я хожу, грязь. Дворник не успевает убирать за теми, кто заходит сюда покурить и выпить. Стекла постоянно выбиты, даром что вставляют их почти каждый день. Домофон наладить не удается. Милиция ни накажет, ни защитит. Ей не до тебя. Как и прочим. А ведь неуважение к чужому горю - это крайняя степень бескультуры. Естественно, духовность в этой ситуации становится проблемой номер один.

Театр - один из форпостов в этой борьбе. Зрительный зал остался едва

Кот Леопольд, Ленин и тетка Чарлея

ли не единственным местом, где тебя не убьют, не ограбят. Вижу, как у людей теплеют глаза, как начинают они улыбаться. Но одарить их радостью надолго мы не можем. За театральным подъездом вступает в свои права марксистская формула - бытие определяет сознание.

Я ценю в русском народе способность делиться последним. Оценивать человека по свойствам души, вне зависимости от того, беден он или богат. Дружить не по кошельку, а по личным симпатиям, чувствам. Конечно, деньги - вещь не последняя. Их постоянное отсутствие накладывает на твои качества определенный отпечаток. Теперь, когда человеческие отношения все больше сводятся к материальным расчетам, мы, несомненно, что-то теряем...

- Многие актеры жалуются, что мыкаются в простое. Как обстоит дело с загрузкой у вас? Приходится ли отказываться от ролей или наоборот?

- С годами я стал разбираться, что сперва, а что - потом. Не хочу браться за все подряд. Я кое-что понял в актерской профессии, кое-что осталось для меня загадкой. Свою загрузку я научился регулировать. Сам себе могу сделать и цейтнот, и просвет.

Бывало, отказывался даже от неплохих ролей. Чувствовал - сугубо не мое. Если играл нечто похожее, не хотел повторяться. По молодости, когда права на отказ я еще не заработал, бывало, что меня вводили в роли, рисунок которых создавался не мной, а другим актером. Как в одежде с чужого плеча, я чувствовал себя в них дискомфортно. Хотя, может быть, если бы делал ее сам, мне эта роль и подошла. Пожалуй, интереснее говорить не об отказах, а о неожиданном согласии сыграть какую-нибудь роль.

- Такой неожиданностью был Калягин в роли Ленина в спектакле «Так победим!»

- Да, роли, сыгранные мною раньше, не давали повода предлагать мне это. Заставить играть, надавив на меня по партийной линии, было невозможно. В партии я не состоял. Взять меня можно было другим - заинтересовать творчес-

кими аспектами. Именно так и поступил Олег Ефремов. Это одна из дорогих для меня страниц творчества, размышления о правде в жизни.

Мне хотелось показать человека, который перед смертью видит, что он успел, а что уже не успеет сделать, человека, испытывающего трагедию одиночества, потому что всю жизнь ничего, кроме политики, не имел. Много пошло не туда и не так, как ему хотелось. Раб своей идеи, он ощущает при этом трагизм и ее самой, и государства, пытающегося жить по этой идее.

Когда сегодняшняя острота пройдет, Ленина станут воспринимать несколько отстраненно, без боли и ненависти, и какой-нибудь великий драматург напишет о нем пьесу, как Шекспир о Ричарде Третьем. Актеры будут считать для себя счастьем сыграть эту роль. В нее можно будет влюбляться, потому что это наша история. Для актера она станет экзаменом: как сыграть, как показать, откуда взялась эта кровь. Спектакль по пьесе Шатрова был первой ласточкой...

Меня часто спрашивают: не испытываю ли я сейчас за эту роль чувство стыда? Я горжусь тем, что ее сыграл!

- Над чем работаете в этом сезоне?

- Заканчиваю работу над фильмом «Прохиндиада-94», возникшим как адаптация в новых российских условиях темы старой, полюбившейся зрителям картины. Обыгрываю смену отношений по формуле «ты мне - я тебе» чисто денежным расчетом. Во МХАТе я занят только в одной пьесе - «Трагики и комедианты». Совсем недавно мы вместе с Анастасией Вертинской поставили в Париже спектакль «Чехов, акт III». Большая часть сил и времени уходит на работу в созданном мною театре «Е.Т.С.», эцетера. По латыни это значит «и так далее», «и прочее». Недавно он стал муниципальным, но проблем - денежных, с местожительством театра - предостаточно.

- Наверное, можно было бы покрывать издержки, если бы вы снимались в рекламе...

- Пока я такие предложения отметаю. Где гарантия, что через полгода рекламируемая фирма не исчезнет? Люди будут собираться у заколоченных дверей, куда невольно обманутые мной в надежде на маленький просвет отнесли последние крохи. Может, будут стоять и у моего подъезда. И если даже никто из них ничего мне и не скажет, понимая, что реклама - форма актерской работы, все равно: как жить после этого?

И тем не менее, если бы нашлась фирма, способная взять на себя дотацию театра «Е.Т.С.» целиком, я согласился бы сниматься в рекламе. Пришлось бы, конечно, зачеркнуть в себе какую-то клеточку, переступить через себя. И все то время, пока реклама шла бы на телеэкране, моя душа бы кровоточила...

Беседу вел Андрей ЛОТОВ.